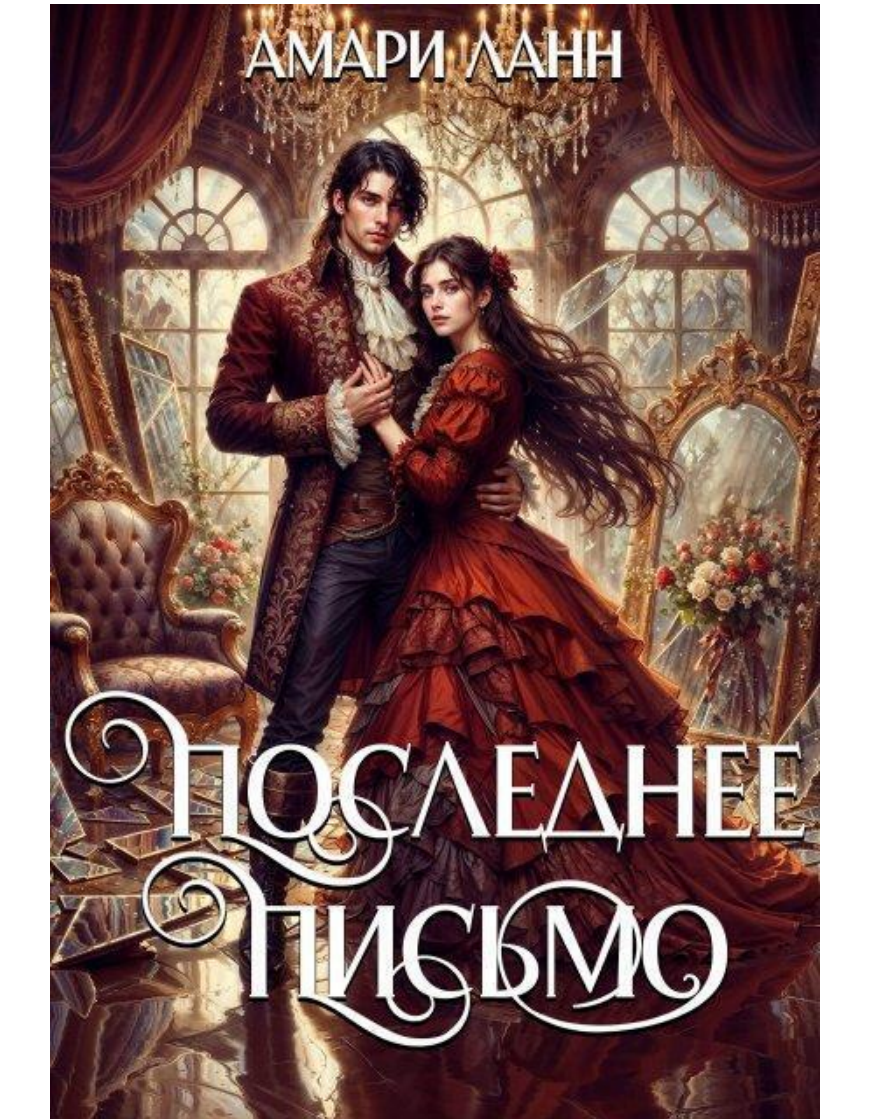

АМАРИ ЛАНН

ПОСЛЕДНЕЕ
ПИСЬМО

Амари Ланн

Последнее письмо

<https://litres.ru/74207159>

Аннотация

В мире, где ночь прячет тайны и в каждом темном уголке таится опасность, вампиры скрывают свою сущность от людей. Однако даже в мире бессмертных найдется место боли, которую не может залечить ни вечность, ни сила.

История продолжается в (каждую книгу можно читать отдельно): Поддавшись искушению:

Содержание

Пролог	4
Глава 1	19
Глава 2	34
Глава 3. Письмо	44
Глава 4	60
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Пролог

«Бал в доме семьи Джонс. Пока мы живы, давайте жить! Мистер лорд Ричард Ремингтон приглашается на бал по случаю возвращения четы Джонс из долгого и интересного свадебного путешествия в сказочную Индию. Офицер Теодор Джонс и его супруга леди Шарлотта Джонс будут счастливы видеть вас в своём доме во вторник, пятого января текущего года, в одиннадцать часов вечера.»

В девушке, на которую старался не засматриваться Ричард, не было ничего особенного. В ней безошибочно можно было распознать представительницу обедневшего рода, который живёт где-то далеко от столицы и в приличном обществе до этого не блистала, а значит и не была дебютанткой.

Даже внешность у неё была обычной и не позволяла выделиться на фоне других красавиц, если не присматриваться. Юная леди была довольно хорошенькой и будь на ней иной наряд или хотя бы иного цвета, то её бальная книжка была бы заполнена в первые минут десять после того, как девушка переступила порог.

Ричард не мог не отметить того, что девушке абсолютно не идёт тёмно-зелёное платье, которое лишь подчёркивало бледность кожи и не скрывало недостатков: излишняя худо-

ба, которую не мог подчеркнуть корсет и из-за этого фигурка девушки была нескладной, а пышные рукава лишь придавали более нелепый вид, чем подчёркивали изящные плечи и хрупкие руки.

Такие не становятся предметом обсуждения гостей: слишком тихая, слишком робкая, слишком восторженная, слишком незаметная, слишком невзрачная. Такие не подходят для холостяков, жадных до чужого наследства: платье из добротной, но недорогой ткани, отсутствие дорогих кружев и украшений, слишком простенький веер и абсолютное отсутствие умений флиртовать и кокетничать.

Ричард знал, что Киару никогда не стала бы фавориткой сезона и не была бы желанной невестой: в лучшем случае она получила бы всего одно предложение от какого-нибудь не слишком удачливого джентльмена, которому отказали бы более популярные юные леди.

Но тем не менее, было в девушке нечто притягательное, что заставляло Ричарда замирать в её присутствии и желать смотреть только на неё. Возможно, это происходило лишь из-за того, что он не раз видел её в более простом платье и знает, что каштановые волосы, сейчас уложенные в незамысловатую причёску, выются от природы и волосы у юной леди длинные, а возможно Ричарду был приятен цвет глаз девушки: ярко-зелёный. Но, скорее всего, девушка притягивала к себе мужчину благодаря тому, что за несколько лет знакомства, он видел, как из маленькой девочки она превратилась

в юную девушку, знает, что сердце у неё доброе, а сама она умеет мечтать и грезит совсем не о балах и вовсе не о том, чтобы быть любимицей публики.

— Я принял решение.

Ричард успел забыть, что пришёл на бал не один, а в компании Джозефа Индигиана, который, при желании, мог сойти за отца, который подыскивает своему холостому отпрыску невесту. Мог бы, если бы не одно но: Джозеф и Ричард не были родственниками. Их объединяло лишь то, что когда-то очень давно, в конце пятнадцатого века, Индигиан обратил Ремингтона в вампира. И теперь оба здесь находились лишь из-за того, что Ричард захотел покинуть клан «Ночной Огонь».

— Решение? — слова Джозефа помогли Ричарду отвлечься. Он посмотрел на Джозефа, мысленно собирая все силы в кулак, чтобы говорить равнодушным тоном.

— Обратишь её в вампира, добровольно, естественно, и сможешь уйти из клана.

Джозеф торжествовал. Это легко можно было заметить по торжествующей и снисходительной улыбке, лихорадочном блеске глаз и не скрываемой ненависти к одной из гостей бала.

Ричард невольно проследил за тростью, с помощью которой старик указал на выбранную жертву. И стоило ему посмотреть на юную девушку в тёмно-зелёном платье, как вампир, сделав шаг назад, мотнул головой. Желанная свобода

никогда ещё не была настолько проклятой: Джозеф указал на Киару, словно зная тайные мечты своего поверенного в делах.

«Обратишь её в вампира, добровольно, естественно, и сможешь уйти из клана...»

Жестокие слова, но чего Ричард ждал от Джозефа? Глава клана «Ночной Огонь» никогда не отличался милосердием и всегда получал желаемое. Видимо, иного выхода у Ремингтона никогда не было, и ему придётся остаться в клане. Свобода была настолько близкой, насколько недостижимой.

Собрав все силы в кулак, Ричард заставил себя посмотреть на Джозефа, надеясь на то, что взгляд был равнодушным.

— Её? — заговорил Ричард, стараясь говорить с презрением, несмотря на то что сердце сжалось от боли. — Этого ребёнка? Глупости.

— Я повторяю, Ричард. Видимо, ты не услышал меня. Ты сможешь уйти из клана, если обратишь, добровольно обратишь, девочку в вампира. Ту самую. На которую я указал.

— Джозеф... это плохая идея... — пробормотал Ричард. — Она... ребёнок.

Ему тяжело давался спор с главой клана, но думать о том, что Киару потеряет жизнь, а её мечты окажутся растоптанными в пыль, было невыносимо. Мужчина не смог совладать с эмоциями и с болью посмотрел на девушку, которая не подзревала о том, что её судьба была решена.

Ричард любил Киару. Она была для него не просто смыс-

лом жизни, но и солнечным светом во мраке. Но он знал, что если на неё обратил внимание глава клана, то судьба Киару Блэк была решена: если сейчас Ремингтон подберёт нужных слов и уговорит Джозефа не выбирать её, то не было никакой гарантии в том, что вампир забудет о её существовании.

— Джозеф... я... прошу... — с трудом проговорил Ричард, стараясь говорить чётким голосом. Он понимал, что ради Киару готов умолять, просить и не думать о том, чтобы уйти из клана.

— Почему? — сухо уточнил Джозеф. — Почему тебя так волнует жизнь какой-то девицы?

— Она всего лишь ребёнок, — Ричард старался говорить равнодушным, уверенным голосом, надеясь на то, что Джозеф примет его точку зрения и изменит решение. Вот только где-то в глубине души вампир знал, что глава клана не станет выбирать другую девушку.

— Ричард, мне не нравится то, что мы спорим, — покачал головой Джозеф. — Если ты не подойдёшь к ней, то я сам это сделаю. Ты же так хотел свободы от клана... Разве я ошибаюсь? Разве не об этом ты просил? И ты готов отказаться от всего?

— Об этом, — подтвердил Ричард. — Но... я не хочу, чтобы...

— Не надо, Ричард, — Джозеф позволил себе покачать головой. — Я позволю завершить речь за тебя. Ты не хочешь, чтобы твоя невеста стала вампиром. Я прав?

Джозеф всё знал. Теперь Ричард был в этом уверен и это означало лишь одно: жизнь Киару в большей опасности, чем он думал раньше.

— Я понял... — дрогнувшим голосом произнёс мужчина, вновь посмотрев на девушку в зелёном платье. — Значит...

Киару, несмотря ни на что, притягивала взгляд Ричарда. Он видел в ней свою жизнь и ощущал горечь потери.

«Надо её предупредить... — Ричард сделал первый шаг и замер. — Нет... Джозеф...»

Джозеф всё знал. Ричард в этом был уверен и никаких сомнений не осталось.

«Не смотри на неё, просто не смотри, это ведь так не сложно... Просто не смотри на неё... Забудь о том, что она в зале... Её жизнь, её счастье важнее... Киару... моя милая Киару... Держись от меня подальше. Забудь о чувствах...»

— Видимо, я должен сам подойти к твоей невесте, — спокойным голосом произнёс Джозеф, но не сделал ни единого шага, лишь выжидающе смотря на Ричарда.

— Я сам, — глухо произнёс Ремингтон, сжимая ладони в кулаки и, сделав глубокий вдох, направился к Киару.

— Поторопись, Ричард. Я не хочу здесь задерживаться, — произнёс Джозеф, прежде чем отойти в сторону, но не прекращая наблюдать за своим поверенным в делах.

Ричард промолчал. Он понимал, что спор ни к чему хорошему не приведёт: лишь разозлит главу клану и тот сам подойдёт к Киару, а значит Ричард не сможет защитить лю-

бимую, как бы не желал этого.

Он мечтал о том, чтобы быть рядом с Киару, но не желал той смерти и участи вампира в шестнадцать лет. Тем более Ричард не хотел, чтобы на жизнь любимой влиял Джозеф Индириан: тот с лёгкостью мог убить девчонку ради развлечения, чтобы посмотреть, как на это отреагирует Ремингтон.

«Не поддерживай разговор... не отвечай... просто вежливо улыбнись и скажи, что ты не будешь со мной танцевать... Сделай всё... чтобы не приближаться ко мне... Ты же не умеешь читать мысли...»

— Нас... нас... не успели представить... — голос мужчины несколько раз дрогнул. Иногда Ричард позволял себе потеряться в присутствии Киару, но сейчас всё было иначе: он должен будет придумать что-то, чтобы спасти свою любимую. — Позвольте пригласить вас на танец?

У Ричарда оставалась призрачная надежда на то, что девушка его не узнает. Это было маловероятно, ведь они познакомились много лет назад. Тогда Киару было всего пять лет и это была маленькая, отважная девочка, которая забралась в старое поместье, минувшей ночью переставшее быть заброшенным. И вот теперь ей уже шестнадцать, и она невеста. Ремингтон понимал, что для него это всего лишь затянувшаяся игра, причина, почему семья задержалась в деревне и оправдание, чтобы местные матери не задавали лишних вопросов и не пытались сосватать своих дочерей за владельца земель. Но иногда Ремингтону было совестливо: Блэк

могла получить шанс на нормальный будущий брак.

— Господин Ремингтон! — в голосе девушки было искреннее счастье. Она улыбнулась той самой улыбкой, которая всегда разгоняла мрак души вампира. Но затем, девушка вздрогнула, широко распахнула глаза и сделала шаг назад, виновато посмотрев на Ричарда. — Я... как же мне жаль... Я уже... пообещала следующий танец... Меня никто не приглашал, и Шарлотта попросила своего супруга... и... и я опять очень много говорю. Я прошу извинить меня.

Милая Киару. Такая живая, такая счастлива, такая желанная. Ричард желал бы нарушить все правила приличия и позволить себе взять Киару под руку, увести из шумного и многолюдного бального зала в сад или библиотеку, а затем позволить себе забыть о том, что в доме чрезмерно много гостей и провести время наедине, словно между ними нет тайн и можно просто насладиться беседой.

— Ричард, — мягко произнёс мужчина. — Мы же договорились. По именам.

Киару смутилась. Яркий румянец раскрасил бледные щёки девушки. Ричард не смог сдержать улыбку, но знал, что у него нет никакого права прикоснуться к её коже. Общество не поймёт. Оно не осудит мужчину, но репутация юной мисс Блэк будет безнадёжно испорчена.

— Ричард... — послушно повторила Киару, опуская голову. Веер в руках дрожал.

Мужчина покачал головой. Он позволил себе наклонить-

ся, раскрыть бальную книжечку леди Блэк и вписать своё имя. Ричард поймал себя на мысли, что был счастлив, что ближайший танец девушка обещала другому: у него будет больше времени для того, чтобы насладиться обществом своей будущей супруги.

— Теперь вы будете танцевать на один танец больше, — Ричард улыбнулся, когда вписывал своё имя дрожащей рукой. — Один танец я подожду. Но затем...

Договаривать мужчина не стал. Лишь посмотрел в глаза юной Киару, радуясь, что немного затянет с выполнением поручения Джозефа. Он так и не смог придумать, как спасти свою любимую.

— Затем будет наш танец... — прошептала Киару в ответ и сердце Ричарда, в очередной раз за последний час, сжалось в железных тисках.

Вампир путался в собственных чувствах. Он знал, что искренне любит эту удивительную девушку, отличавшуюся от юных леди из высшего света. Киару чем-то неуловимо напоминала мужчине его младшую сестру в ту пору, когда та не была ещё обращена в вампира из-за интриг Джозефа. С мисс Блэк было интересно разговаривать, несмотря на то что мечты девушки были достаточно простыми, и он никогда не сможет быть тем, с кем Киару будет счастлива до кончиков волос. Но тем не менее, чувства Ричарда к Киару были невероятно сильными: он даже не подозревал, что способен замирать в чьём-то присутствии, что готов проводить с кем-то

всё время и что кто-то будет ему настолько дорог, что вампиру собственная жизнь будет не важна.

Ричард, видимо, будет невероятным слепцом, раз позволит своей любимой испытывать боль и потерять свой внутренний свет. Но иного выбора нет. Или он сам всё сделает, или позволит Джозефу обречь девушку на худшую участь.

Вампир качнул головой, но затем, чтобы не расстраивать любимую, заставил себя вымученно улыбнуться. Он боялся правды, что не сможет найти способа спасти Киару и ему придётся выполнить страшное поручение главы клана «Ночной Огонь».

«Если я обращаю Киару, она меня возненавидит... если Джозеф её обратит, она возненавидит его... а если Киару станет вампиром, она будет несчастна...»

— Да, Киару, — кивнул вампир, коря себя за то, что ему следует соблюдать правила приличия в высшем обществе и он не может прикоснуться к руке девушки. — Наш танец. И, может быть, вы согласитесь, после танца, чтобы я вписал своё имя ещё раз?

Ричард знал, что второго танца, скорее всего, не будет. Он не хотел лгать Киару, но невольно это сделал. Будь его воля, так мужчина не отпускал бы мисс Блэк, но не мог позволить себе нарушить приказ Джозефа. Ричард боялся, что, если главе клана наскучит общество леди и джентльменов, бессмысленных танцев и тогда глава клана «Ночной Огонь» сам возьмёт желаемое и разобьёт сердце Ричарда, растопчет

душу своего поверенного и Киару лишится жизни.

— Ещё один танец? — переспросила девушка с улыбкой.
— Безусловно. Я буду рада, то есть счастлива... можете вписать своё имя на каждый лист...

Девушка сама протянула собеседнику бальную книжечку. В этот раз Ричард колебался. Он не хотел расстраивать любимую, не нашёл в себе сил признаться в том, что второго танца может не быть и что жизнь девушки зависит от капризов старого идиота, который любит рушить чужие жизни.

«Предупреди её... попроси отказать в танцах... прикажи ей подойти к бабушке и пускай они покинут бал... тогда может быть у неё будет шанс на жизнь...»

Но Ричард не смог этого сделать. Не смог отпустить Киару и не стал предупреждать невесту об опасности, которая нависла над ней. Вместо того, чтобы прогнать любимую, сделать всё ради того, чтобы она держалась от Ремингтона как можно дальше, мужчина вновь склонился и вписал своё имя в бальную карточку юной девушки ещё раз.

— Теперь вы должны мне два танца, Киару.

Каждое слово было наполнено спокойствием и уверенностью. Несмотря на то, что говорил Ричард серьёзным тоном, была в интонации особенная теплота, когда он произнёс её имя, а затем нарушил все известные правила приличия:

— Урони веер, — попросил Ричард с лёгкой, словно мальчишеской, озорной улыбкой.

— Что? — вздрогнула Киару, удивлённо посмотрев на

мужчину, который попросил совершить немыслимое и подталкивал к нарушениям правил этикета. — Уронить... но... но...

Киару растерялась. Она посмотрела на свой веер и вместо того, чтобы выполнить просьбу, лишь крепче его сжала в тонких пальцах, словно от этого зависела её жизнь.

— Это ведь не трудно? — уточнил Ричард, разрешая себе прикоснуться к руке девушки, провести пальцами по мягкой ткани белоснежной перчатки, длина которой была практически до локтя.

Словно не замечая того, что в зале слишком много людей, Ричард, пользуясь тем, что Киару его не остановила, не отрывая пальцев, коснулся запястья девушки, провёл по предплечью до локтя, а затем прикоснулся к плечу и задержал пальцы на ключице девушки.

Киару в этот момент задержала дыхание, смотря на мужчину широко раскрытыми глазами и боясь пошевелиться. От смущения её бросило в жар, щёки вспыхнули. Вот только вместо того, чтобы раскрыть веер и подарить себе немного живительного воздуха, она разжала пальцы и аксессуар выпал из ослабевшей руки.

— Ричард... — Киару заговорила шёпотом, словно боялась нарушить очарование момента. — Вы... мы... мой... веер...

В бальном зале были гости, но в этот удивительный момент для Киару не существовало никого иного, кроме Ричар-

да. Она знала, что могла привлечь к себе чужое внимание, но сейчас её это не волновало. Ей хотелось, чтобы мужчина привлёк к себе, обнял, прижал и, может быть, поцеловал, прикоснувшись губами к её.

— Ваш веер, — улыбнулся мужчина, отступая на шаг от девушки и отстраняясь.

Его пальцы больше не надавливали на нежную кожу ключицы, а Киару едва справилась с разочарованием. Ей хотелось большего.

Впервые в жизни она поймала себя на мысли, что жаждет остаться с Ричардом наедине и быть может она будет достаточно смелой для того, чтобы стянуть перчатки и прикоснуться к мужчине, дотронуться до его щеки, а затем, взяв под руку, прижаться.

— Мой веер... — прошептала Киару, вспыхивая от смущения.

Между ними не могло быть любви. Мисс Блэк это знала. Ричард был не только старше, но и более благородного происхождения, а также богат. Киару уступала ему во всём: воспитывалась вдали от Лондона, не посещала балов и у неё не было друзей за исключением леди Шарлотты Джонс, также у мисс Блэк было шатким положение в обществе, так как девушка была из обедневшей семьи.

Впрочем, Киару знала, что возраст, положение в обществе и материальное состояние не всегда являются помехой для искренних чувств. Вот только Блэк уже была обручена и бы-

ло неправильным то, что девушка испытывала тягу к Ричарду, своему другу.

— Ваш веер, — повторил мужчина.

Киару знала, что не должна испытывать никаких чувств к Ричарду, но ничего не могла с собой поделать: ей было приятно его общество, а иногда ей казалось, что она слишком часто думает о мужчине, грезит о встрече с ним и мечтает о том, чтобы тот вновь прикоснулся к ней.

— Мой... — вновь шепчет девушка, а затем понимает, что неловкая ситуация затянулась и если она не заставит себя поднять веер, то может скомпрометировать себя.

Киару, прикоснувшись к юбке, с трудом заставила себя присесть на корточки. Вот только подобная мысль пришла в голову и Ричарду, раз он тоже опустился на корточки и первым дотронулся до веера юной девушки. Киару дотронулась до пальцев Ричарда и посмотрела на мужчину широко раскрытыми глазами.

— Ричард... — прошептала девушка, ощущая, как становится ещё жарче и отчаянно хочется выйти на улицу, отдышаться и провести время практически в одиночестве. Вот только она понимала, что бабушка не позволит выйти в одиночестве, а, быть в сопровождении ближайшей родственницы, мисс Блэк не хотелось, так как она боялась, что Елизавета прочтёт мысли внучки и узнает, что та думает о запретном.

— После второго танца... — доверительным шёпотом за-

говорил Ричард. — Я буду ждать вас на террасе.

— На террасе... — повторила девушка. — Но...

— Киару, пожалуйста. Всего пять минут наедине... никто не заметит. Вы вернётесь быстрее, чем ваша бабушка заметит ваше отсутствие. Прошу вас...

— Я постараюсь, — слабо улыбнулась мисс Блэк.

— Я буду ждать, — улыбнулся Ричард, поднимаясь на ноги и помогая Киару встать, поддерживая ту под локоть.

Девушка кивнула. Вздрогнула, когда Ричард вложил в её руку веер, а затем с сожалением выдохнула, стоило мужчине отойти и поздороваться с кем-то из гостей.

Глава 1

Ричард не был уверен в том, что поступил правильно. Чем больше проходило времени, тем больше он размышлял о том, что, наверное, лучшим выходом было бы поступить так, как неоднократно просила Киару: забрать данное ей «Право Жизни». Простой и лёгкий выход. Вот только он не мог отпустить ту, которую любил. Это было достаточно эгоистично с его стороны, он не думал о чувствах девушки, но хотел верить в то, что принятое решение было лучшим не только для него.

— Всё должно было быть совсем не так, Киару... — с трудом проговорил Ричард, когда осознал, что молчание слишком затянулось. Он понимал, какой ответ ждала девушка, но не мог дать ей желаемого. — Ты же знаешь... когда всё будет позади... мы отправимся с тобой далеко. Вдвоём. Ну, может возьмём Самуэля... Уедем так далеко, что ты сможешь сделать вдох спокойно и не будешь говорить о том, чтобы я забрал то, что никогда не заберу. А на расстоянии... эта связь ослабнет.

Это была ложь. Ричард знал, что связь Киару и Джозефа не ослабнет никогда. Киару знала, что спасения не будет: она прекращает быть собой, а магия, что не даёт ей стать марионеткой в руках того, кто обратил, истончается и больше не способна поддерживать её силы.

Ричард понимал, что тот самый день, которого он так страшился, настал. Это была последняя ночь. Он понял это слишком поздно: до рассвета осталось не больше часа.

— Ты ведь... останешься со мной? — Ричард понимал, что этот вопрос останется без правдивого ответа. Киару, даже если и ответит положительно, не способна будет сдерживать слово. — У нас было так мало... возможностей быть рядом... Пожалуйста... останься со мной... Не уходи... ты же сильная... Дай мне ещё пару ночей... хотя бы пару ночей...

Ричард отчаянно нуждался в том, чтобы Киару солгала. Он понимал, что не она должна его поддерживать, а ему следовало бы подставить плечо для любимой.

— Я же не смогу без тебя. Я всегда знал, что ты где-то рядом... в другом городе или стране... но рядом. Живая. Я знал, что позови ты меня... бросил бы все дела и приехал... как тогда, когда ты позвонила из дома... Ты помнишь тот раз? — он слегка сжал тонкие пальцы девушки. — Или воспоминаний практически не осталось?

Он не ждал, что Киару ответит: сил у неё уже практически не было. Апатия и безжизненность настолько сильно бросались в глаза, что Ричард не понимал, почему он раньше не заметил необратимые изменения.

— Это было не здесь. В другом доме... — мужчина сам ответил на вопрос. — Ты позвонила мне и в твоём голосе, вместо паники, я слышал улыбку. Когда ты улыбаешься, то на твоих щеках появляются ямочки, а голос едва заметно дро-

жит... Ты прекращаешь следить за тем, что говоришь и позволяешь себе делать ошибки... В такие моменты я не могу на тебя злиться... Не знаю, понимала ли ты, насколько сильно способна влиять на меня твоя искренняя улыбка, счастье в твоём голосе... Твоя наивность... твоя вера в жизнь... была моим светом... А теперь я не в силах вернуть тебе твой свет, не способен поделиться с тобой своими силами...

Ричард тяжело вздохнул. Он понимал, что воспоминания о прошлом не могут помочь. Они помогали продержаться первые ночи, когда у Киару было больше сил, когда память ещё не исчезала и у девушки были силы на глупые обиды и попытки выйти из комнаты. Теперь мужчина жалел, что не предоставил ей больше свободы. У него даже возникла мысль, что уступи он ей хотя бы раз и позволь пройтись по улице, то сейчас всё могло бы быть совсем иначе.

Последние дни девушка проводила в кровати, практически не вставая, лишь изредка, благодаря долгим уговорам и поддержке Ричарда, проводила несколько минут на балконе.

— Ричард...

Тонкий, едва слышный голосок Киару разбил мысли мужчины, заставил вслушаться в сбившееся дыхание.

— Это было... в тринадцать...

Мужчина кивнул. Память подводила Киару, но девушка помнила самое главное: его имя. Быть может ещё есть шанс для того, чтобы найти способ спасти её жизнь. Быть может его страшная догадка о последней ночи была всего лишь до-

гадкой, а впереди у них будет ещё много совместных ночей.

— Верно... — он поцеловал девушку в макушку. — Тринадцатый дом... Дом, в котором ты жила... Твой дом, ключи от которого я вручил тебе в ночь, когда помог тебе сбежать из клана... Знаешь... надеюсь, я не сделал тогда ошибку... но зная Стэфана... понимаю, что выбрал для тебя лучший путь. Ты главное не засыпай. Слушай мой голос и, быть может, у нас будет больше времени... Кто-то мне когда-то сказал, что голос способен удержать в мире живых... Сейчас я готов поверить во что угодно, лишь бы у нас было больше времени...

— Думаешь... времени будет больше? — уверенности в этом у Киару не было: надежда давно покинула её голос.

К сожалению, надежды Ричарда не хватало на обоих.

В первые дни, когда они вынуждены были спрятаться в Убежище, которое любезно предоставил Марк после того, как у Киару начались серьёзные проблемы, мужчина был уверен в том, что они смогут со всем справиться и найти выход из сложившейся ситуации.

Надежда оставалась и тогда, когда прошли первые восемнадцать дней, прежде чем состояние Киару резко ухудшилось.

На самом деле, всё началось гораздо раньше. Первой пострадала память. Воспоминания о прошлом стали ускользать от девушки. Безобидные оговорки, на которые вначале никто не обратил внимания, сменились не только забыты-

ми годами, но и даже десятилетиями. Именно тогда Ричард принёс Киару несколько тетрадей: всю свою жизнь она вела дневники и теперь записи помогли ей восстановить события жизни, а ему — узнать девушку с той стороны, которая ранее была скрыта.

К несчастью, дневники не смогли помочь настолько, насколько надеялся Ричард. Память таяла, как заходящие лучи солнца, скрывающиеся за горизонтом и позволяющие властвовать тьме.

Мужчина готов был каждый день рассказывать Киару о прошлом (лишь приукрашивая некоторые моменты, которые ему хотелось бы исправить или когда он понимал, что в тот момент должен был поступить совсем иначе и быть может, пойдя история по иному пути, у него было бы гораздо больше совместных воспоминаний). Вот только с каждым днём состояние Киару ухудшалось и всё больше времени она проводила в кровати, уже не споря с бывшим главой клана и всё больше времени проводя в полудрёме.

— Мне остаётся лишь надеяться на это, — с горечью произнёс Ричард, сильнее сжимая ледяные пальцы девушки. — Но знаешь... я в любом случае буду рядом с тобой. До самого конца...

— Почему?

— Глупая... — в этот раз Ричард улыбнулся искренне. — Я люблю тебя. И я хочу быть рядом с тобой... Столько, сколько нам осталось... — последнее мужчина добавил едва

слышно, хотя понимал, что от правды не убежать. Конечно, он мог бы попытаться вновь попросить колдуна о помощи, придумать хоть что-то, лишь бы дать больше времени Киару, лишь бы вернуть той силы. Но никакие деньги не были способны исполнить желание Ричарда.

— Мне кажется... Я думаю, что ты... мне кажется... — Киару замолчала, пытаясь подобрать слова.

Ричард терпеливо ждал ответ, но девушка не торопилась продолжить говорить. Не сумев подобрать нужных слов, та, судорожно вздохнув и едва не всхлипнув, закрыла глаза.

— Не переживай, — прошептал Ричард, погладив плечо девушки, вновь поцеловал её в макушку. Под пальцами, скрываемый мягкой тканью рубашки из габардина, располагался тонкий шрам от серебра. Мужчина знал каждый изъём тела своей любимой, но для его сердца Киару была милее других, даже несмотря на шрамы и вздорный характер. Сейчас бы Ричард всё отдал, чтобы настроение девушки было таким же переменчивым, как и пару лет назад. Он бы даже почти не злился в том случае, когда девушка велела уходить или захлопнула дверь перед его лицом.

— Вера Линн...

Ричард не смог скрыть улыбки: он ценил те редкие моменты, когда девушка открывалась ему, доверяла и заговаривала о том, что особенно ей нравилось. Страсть к Вере Линн не была тайной: девушка была в восхищении от неё и знала наизусть не только мелодии, но и песни. Знал Ричард также

и то, что Киару напевала песни Веры в те моменты, когда ей было особенно грустно или же она была настолько счастлива, что эмоции требовали выхода.

— Ты помнишь её музыку? — не смог удержаться от вопроса мужчина. Он был рад, что память сохраняется хотя бы в отношении тех немногих вещей, что были дороги для Киару.

— Не знаю... наверное... в голове есть что-то... но не помню ни мелодию... ни слова песни... Иногда мне кажется... что я помню ощущения... то, насколько она... была великолепной... и... и... может мне... кто-то ещё нравится?

— Тебе не нравится нынешняя музыка, как мне кажется, — Ричард старался быть честным в отношении тех моментов, когда не требовалось рассказывать о чём-то плохом. — Мы не общались с тобой о музыке. Обычно, наше общение проходило... иначе. Без музыки. Но я думаю, что если тебя кто-то поразил до глубины души, то ты бы рассказала мне. Но иногда я ставил пластинки Веры... В тринадцатом доме у тебя была музыкальная комната. Иногда ты нарушала тишину, играя мелодии на фортепиано, а изредка пела. Как-то мы провели вдвоём четыре дня. Я сидел с книгой, позволив себе не заниматься бумагами, а ты музицировала. В какой-то момент я поймал себя на мысли, что вместо того, чтобы читать, украдкой наслаждаюсь твоей игрой, боясь нарушить покой того часа.

— Я... сяду за инструмент... когда мне станет лучше...

для тебя.

Ричард замешкался, прежде чем заговорить. Несмотря на то, что Киару произнесла настолько желанные слова, ему было горько.

— Я мечтаю об этом моменте, — искренне произнёс мужчина. — Мечтаю всей душой... Киару, тебе ведь не страшно?

Стоило ему задать столь простой вопрос, как мужчина едва слышно чертыхнулся. Он не смог удержать в себе эмоции, несмотря на то что поклялся самому себе быть терпеливым с Киару и не задавать глупые вопросы.

— Можешь не отвечать, родная моя, — Ричард бережно, едва касаясь, провёл ладонью по волосам девушки. Если они переживут эту ночь, то он попросит Эль или Кимберли заплести Киару косы или уложить волосы в привычный пучок. — Наверное... я понимаю, какие чувства... что ты сейчас переживаешь...

— Но я... я... — девушка поморщилась, затем коснулась его пальцев, останавливая движение руки. — Мне... если быть честной... мне... наверное всё же страшно... Я... бы хотела жить. Я очень сильно хочу жить... хочу остаться собой... хочу просто... просто... не знаю, как мне объяснить... Знаешь, Ричард... мне кажется, что не хватает слов. Но... это ведь не навсегда. Как только вы разберётесь с проблемой... то мои силы станут прежними... Ведь так?

Хмыкнув, мужчина покачал головой. Киару не следовало видеть его расстроенного выражения лица, а также злость,

вспыхнувшую в светло-голубых, практически серых глазах.

Проблема возникла не вчера и даже не десять лет назад. Как бы Ричард не старался отмахнуться от правды: в том, что произошло с Киару, частично была его вина. Впрочем, об этом девушке не скажет ни он, ни Самуэль, который был его ближайшим другом и, по совместительству, барристером. Если бы не личная заинтересованность Ричарда в девушке, то вся история сложилась бы абсолютно иначе и Киару, возможно, прожила бы долгую и обыденную жизнь, как и всегда мечтала, а после, состарившись, покинула бы этот мир в окружении внуков и, возможно, правнуков. Впрочем, Ричард не совсем был уверен в том, что Киару смогла бы стать хорошей матерью или в том, что ей повезло бы с супругом, особенно после того, как репутация девушки была разрушена не без его участия.

— Я бы не смог тебя отпустить... — прошептал мужчина свои мысли вслух. Он мог бесконечно думать о том, что без него жизнь Киару была бы не просто иной, а гораздо лучше, но понимал: так или иначе он бы присматривал за той, которая покорила его сердце. Может быть не сразу, но нашёл бы её, чтобы наслаждаться краткими мгновениями общения и знать, что девушка счастлива.

— Что? — вздрогнула Киару, когда Ричард сел на кровати, подтягивая плед и укрывая ноги девушки, чтобы той было уютнее.

— Я говорил о том, что «проблемой» сейчас занимается

Самуэль, — маленькая ложь была во благо. Киару не знала, что Самуэль в данный момент находится внизу и вместе с колдуном и его дочерью, а также Элизабет и Джейн, что примчалась по просьбе барристера, занимались созданием браслетов, которые должны будут заглушить связь с создателем.

— Самуэль... Самуэль... Он...

В этот раз воспоминания молчали. Названное имя ничего не сказало ей, но говорить об этом Ричарду она не стала. Мужчина и без этого прекрасно знал, что силы покидают девушку с устрашающей скоростью.

— Киару, мы... сделаем всё возможное... — Ричард старался говорить убедительно, но чем больше проходило времени, тем больше в его голосе проявлялось сомнение. — Тебе удобно? Может быть ты голодна?

— Нет... — вздохнула девушка. Последние несколько дней она не ощущала голода и ела лишь тогда, когда Ричард был особенно настойчив и не оставлял ей иного выбора.

— Поверю тебе, но только сегодня, — постарался улыбнуться Ричард, но уголки губ дрогнули. — В этом ты... прежняя... Тебя приучили не просить, не говорить о своих желаниях и ты научилась молчать, не рассказывать и полагаться лишь на себя... Знаешь... может быть ты и не помнишь, но...

И в этот момент Ричард решил, что говорить о прошлом бесполезно. Ему не стоило в очередной раз напоминать Киару о том, что навсегда исчезло из её памяти.

Прошлое для него оставалось не просто воспоминаниями: некоторые события он рад бы изменить, но был не в силах, а другие моменты он бережно хранил, потому что они были наполнены светом. Были и тёмные, мрачные эпизоды из жизни, которые ему хотелось навсегда забыть, но он понимал, что без тех мгновений, его восприятие жизни изменится.

Для Киару всё было иначе. Всю свою жизнь девушка берегла каждые прожитые моменты. Она вела дневники, записывая в них каждый день, даже если за прожитые часы не происходило ничего особенного. И поэтому, исчезновение воспоминаний было для неё самым страшным наказанием: когда-то Киару обмолвилась о том, что вместо потери памяти, она предпочла бы смерть.

Свои записи Киару берегла от всех, никому не позволяя видеть её в те мгновения, когда она макала кончик пера в чернильницу и выводила на листе букву за буквой. Девушка с особой тщательностью прятала тетради, но Ричард, в тайне от неё, некоторые дневники всё же читал. Было время, когда он хотел разобраться в том, что на душе у Киару, а поэтому не видел ничего плохого в том, чтобы прочитать запретное.

Но сейчас ему не надо было читать чужие записи ради того, чтобы разобраться в происходящем. К несчастью, всё было известно.

— Иногда я помню... — тихо проговорила Киару, вырывая Ричарда из мрачных мыслей, разбивая сгустившуюся тишину и заставляя сердце мужчины сжиматься от тревоги.

— Иногда... В голове обрывки... Лента для волос... огонь с твоих рук... Я помню... снег. Это было... наверное, это было ночью... Хлопья скрыли... на улице скользко, а ты сидишь на камнях... Я... подхожу к тебе... со спины... а ты как-то... кажется... всего одно движение и я лежу... лежу на камнях, а ты нависаешь надо мной... Знаешь... я ведь тебя не боялась... Я чего-то боялась другого... но осталось лишь ощущение... ни причин, ни имён... ничего... Лишь ощущение страха, который... схватывает горло, заставляет лишний раз оглянуться или... накрыться с головой... это как гроза... но... я не помню, что именно боюсь... не помню... уже не помню...

— Кого... не что, а кого... — едва слышно поправил Ричард, когда в комнате вновь повисла тишина. Он присмотрелся к девушке: та закрыла глаза, утомлённая долгой речью.

Кого именно боялась Киару, мужчина прекрасно знал. Это и было основной проблемой в их жизнях, а состояние девушки, то, что силы покидают её хрупкое тело — не более чем последствия.

У проблемы было имя. Джозеф Индигиан. Создатель, муж, отец. Бывший глава клана «Ночной Огонь». Тот, кто должен был быть мёртв, а вместо этого вернулся в мир живых.

— Или всё было не так... — не заметив слов Ричарда, проговорила девушка.

Теперь в её голосе скользила неуверенность: она сомнева-

лась в себе и в своей памяти. Киару, уже без ужаса, осознала, что воспоминание, где она лежит на холодных камнях и смотрит в глаза мужчине, что разжимает пальцы на её горле, уже не такие, как были мгновение назад: очертания расплылись, словно погружаясь в темноту.

— Я... — девушка запнулась.

Киару попробовала сесть на кровати, вот только сил не хватило и поэтому она лишь провела пальцами по покрывалу, пытаюсь, не открывая глаз, вспомнить, как выглядит хоть что-то в этой комнате.

— Ни-че-го... — по слогам произнесла Киару, не осознавая, что тон голоса стал равнодушным, эмоций в голосе не было и состояние уже не вызывало прежнего ужаса.

Киару хотела добавить что-то ещё, но вместо этого лишь шевельнула губами, не сумев подобрать слов.

— Всё будет хорошо, — Ричард сам не понял, кого пытается в этом убедить: себя или всё же Киару. Судя по всему, в этот раз именно он нуждался в поддержке. У него даже возникла мысль, что следует выйти из комнаты, спуститься вниз, чтобы хотя бы на несколько минут сменить обстановку и не видеть ту, которой помочь был бессилён. - Всё будет...

От очередных бесполезных слов, Ричарда отвлёк деликатный стук в дверь.

— Лорд Ричард? Вы не могли бы, пожалуйста, выйти в коридор?

— Одну минуту, Джейн, я сейчас подойду, — отозвался

мужчина, отстраняясь от Киару, укрывая ту и целуя в лоб. — Я скоро вернусь, пару минут и вновь лягу рядом.

Оставалось лишь надеяться на то, что Джейн отвлекла его не ради раннего завтрака или ещё какого-то пустякового дела. Ричард не готов был потерять ни единой минуты рядом с Киару, но понимал, что для некоторых он всё ещё остаётся главой клана.

— Я скоро, — повторил мужчина для Киару. Он не хотел покидать комнату, не желал оставлять девушку в одиночестве, но допускал мысль, что за пару минут ничего не изменится. Но всё же на сердце было не только тяжело, но и тоскливо.

Ему следовало учитывать натуру Джейн, которая ожидала его в коридоре: несмотря на кроткий нрав, терпением девушка не отличалась. Поэтому, прежде чем Джейн постучалась вновь, Ричард успел открыть дверь.

— Не стоит, я с первого раза понял, что ты ждёшь меня в коридоре, — стараясь говорить мягко, произнёс Ричард. Он аккуратно закрыл за собой дверь, стараясь не хлопнуть ею. Рука дрожала. — Что-то случилось?

— Колдун просил сообщить, что браслеты готовы. Если вы желаете, я могу побыть с вашей супругой, пока вы примерите свой, — Джейн продемонстрировала правую руку, где на тонком запястье красовалось переплетение из бусин жемчуга с серебром.

— Он сделал всем такое? — нахмурился Ричард. — Я не

буду носить женское украшение, — категорично произнёс мужчина.

Джейн покачала головой.

— Это он сделал для меня. Мне нравится жемчуг. Он напоминает мне моего Гилфорда. Так мне посидеть с вашей супругой?

Ричард покачал головой. Он не мог объявить Джейн о том, что не доверяет ей: она никогда не жила в клане и если бы не просьба Самуэля, то не явилась бы.

— Не стоит, Джейн. За пару минут ничего не случится, — почему-то Ричарду казалось, что чем чаще он произнесёт эти слова, то тем быстрее поверит в них. — Самуэль внизу? Марк?

Ему не требовался ответ от Джейн. Мужчина был в курсе, что Самуэль находится вне дома: иначе тот пришёл бы лично.

— Марк на охоте, он сказал, что ему нужно больше сил. Детали я не узнавала, знаю, потому что бессовестная девчонка не выпускала из дома, пока тот причину не скажет.

Ричард покачал головой. Отсутствие Марка вызвало ещё большее беспокойство, особенно, если Киару станет ещё хуже, а того, кто должен будет забрать последнее дыхание, не будет рядом и момент будет упущен.

Глава 2

Ричард только сейчас заметил, что на диване никто не сидел. Из-за этого было особенно горько, потому что он не готов был проститься с Киару, отпустить её. То, что никто из находящихся в копии тринадцатого дома не занял любимое место зеленоглазой девушки, могло говорить о двух вещах, на взгляд Ричарда: уважение к хозяйке дома или смирение с тем, что комната на втором этаже, где находилась Киару, превращается в морг.

Мужчина покачал головой. Он подошёл к дивану, наклонился и поднял с пола давно упавшие декоративные подушки.

— Киару не понравится этот беспорядок... — покачал головой мужчина. — Раздельное трио... кажется, так называла Киару расположение подушек. По три в каждом углу дивана... — Ричард огляделся, нашёл взглядом две подушки стандартного размера. Кивнул своим мыслям. — Если будет порядок, она не будет злиться... Большую подушку укладывают между подлокотником и спинкой дивана. Перед ней ставят среднюю подушку... Киару не любит, когда подушка по центру, поэтому всегда сдвигала её чуть в сторону. Самую маленькую она также сдвигала в сторону, но уже ближе к подлокотнику...

Бережно уложив подушки с одной стороны, Ричард повто-

рил расположение на другом крае дивана.

— Вот так... — но сесть на диван мужчина не рискнул.

Он понимал, что не обязан был объяснять свои действия, вот только в гостиной была настолько гнетущая тишина, что хотелось разбавить её голос. Идеально было бы, если бы Киару сидела на этом диване, рассказывала что-нибудь или спорила по какому-нибудь мелкому поводу.

— А где книга? — нахмурился Ричард, осознав, что на подлокотнике дивана больше не было раскрытой книги, которую так и не дочитала девушка. — Где эта чёртова книга?! — рывкнул мужчина. — Где она?!

Мужчина с ужасом смотрел на пустой подлокотник, понимая, что когда Киару восстановится и узнает, что любимую книгу кто-то убрал с положенного места, то будет расстроено.

— Она была в крови... Я посмотрела, книга была испорчена. Поэтому, когда выкидывала угли, выкинула книгу. Я поступила плохо?

Ричард, вздохнув, посмотрел на девушку, которая застыла в дверях кухни.

Джейн предпочитала проводить время на кухне. Она не могла сидеть без дела и поэтому на обеденном столе красовались двадцать три тарелки с яблочными пирогами. Было бы двадцать семь, если бы Джейн, в суматохе, не забывала про духовку. Сгоревшие пироги были безжалостно выкинуты.

— Это была её книга... она не дочитала. Нужно будет купить такую же, чтобы Киару не заметила.

Ричард покачал головой. Где-то в глубине души он понимал, что зря сорвался. Подушки могли спокойно лежать на полу, ведь сама Киару находилась в кровати на втором этаже, а книга... книга была лишь предметом, который заменить было слишком просто. Он понимал, что его любимая не скажет ни слова ни на беспорядок, ни на побитые тарелки, ни, тем более, на то, что кто-то что-то выкинул. Мужчина неоднократно видел, как Киару, обнаруживая пропажу, опускала плечи, сжимала кулаки и на несколько секунд застывала, справляясь с горем и обидой.

— Я сейчас переоденусь и схожу в магазин, куплю точно такую же книгу, — пожала плечами девушка.

— Джейн... — с трудом проговорил Ричард, тяжело вздохнув и вновь посмотрев на ту, что продолжала стоять в дверях. — Не стоит.

Ему было невероятно трудно отказаться от заманчивого предложения, но он понимал, что сейчас было слишком рано: магазины откроются лишь через несколько часов и могло быть слишком поздно для девушки, что лежала сейчас наверху в одиночестве.

— Лорд Ричард, мне не трудно будет сходить в магазин, — слегка пожала плечами. Она не понимала, почему для мужчины так дороги столь простые вещи, но готова была исправить свою ошибку. Для Гилфорда, умершего давным-давно,

она сделала всё для того, чтобы тот был счастлив. Некоторые решения привели к тому, что они больше не вместе. - Магазин откроется в девять утра. Я вернусь к одиннадцати часам...

— Не глупи, Джейн, — покачал головой Ричард. — Это будет уже светлое время. Не стоит рисковать. Если ей станет лучше, я закажу эту книгу по компьютеру... У тебя горит пирог. Какой по счёту?

— Это уже пятый, — уверенно произнесла Джейн, возвращаясь на кухню.

Ричард опустился на диван. Он потерянно посмотрел на колдуна, который дремал в кресле. Мужчина вдруг поймал себя на мысли, что хотел бы, чтобы Джейн не послушалась его, отправилась в книжный магазин и принесла книгу. Но он понимал, что этого не будет.

С одной стороны, Киару и Джейн были практически ровесницами. Когда они оказались в клане, обоим было по шестнадцать лет. У обоих было «Право Жизни». Вот только одна вынуждена была жить в клане, а другая могла жить спокойно.

С другой стороны, Ричард был полностью уверен в том, что Киару и Джейн никогда не стали бы друзьями.

Мужчина понимал, что Джейн осуждает Киару, а Киару не доверяет той. Иногда он задавался вопросом, а способна ли его супруга доверять хоть кому-нибудь. Каждый раз он допускал мысли, что его супруга полагается исключительно

на себя, а затем он вспоминал о том, что в случае серьёзных проблем, Киару обращается за помощью именно к нему.

Ричард давно привык к тому, что бремя управления кланом, таит в себе не только руководство, но и умение держать под контролем столь разных личностей. К его счастью, Джейн практически не присутствовала в клане. Она терпеть не могла Англию, которая забрала у неё любовь, а потому долгое время жила то в Австрии, то в Германии, то ещё где-нибудь, лишь бы подальше от Лондона. Киару же, наоборот, всегда тянуло в столицу Англии, даже несмотря на то, что этот город украл её мечты и, самое главное, жизнь.

Девушки были слишком разными.

Джейн была истинной молодой леди: умела держать эмоции при себе, с лёгкостью меняла маски и была холодно-отстраненной, а иногда её вежливость любого могла вывести из себя до скрежета зубов. Рыжеволосая, кареглазая красавица предпочитала носить одежду тёмных цветов: траур по Гилфорду не прекращался ни на день.

Киару, несмотря на воспитание и попытки бабушки оказать влияние на её манеры, была иной: яркой, искренней, светлой и до безумия живой. Она не всегда скрывала эмоции и её очень просто было вывести из себя до того состояния, когда она теряла контроль над собой и могла поступить опрометчиво. Иногда Ричарду казалось, что он терпеть не может эту девчонку, но почти сразу приходили совсем противоположные мысли: он любил зеленоглазую девушку и го-

тов был преступить закон ради неё.

Любовь стала проклятием для обоих.

Жизнь Киару, словно упавший хрустальный шар с праздничной ели, разлетелась осколками, без возможности восстановления в тот самый миг, когда она, доверчиво согласилась на второй танец, а затем приняла приглашение выйти на террасу.

Ричард не подозревал, что, соглашаясь на план Самуэля, лишь бы задержаться в той деревне, недалеко от Коутсолда, где жизнь была слишком тихой и спокойной, а клан не привлекал внимания, найдёт ту, которая для него станет смыслом жизни.

Он не планировал проводить много времени в обществе маленькой леди, но позволил себе вначале редкие встречи, а затем долгие беседы во время верховых прогулок.

Любовь к Киару помогла ему взглянуть на свою жизнь иначе и осознать, что он хочет быть рядом с ней, что не хочет быть в клане и жаждет свободы.

— Если что, я буду в спальне, — Ричард заставил себя подняться с дивана. Он не хотел подниматься на второй этаж, не хотел заходить в спальню, но знал, что обязан это сделать. Мужчина всё бы отдал за то, чтобы не видеть мучений супруги. — Или я могу быть нужным здесь?

Это были слова слабого человека. Ричард не был слабым, но отчаянно нуждался в том, чтобы найти повод, задержаться в месте, где не было ощущения горя.

— Ты сам знаешь, что там ты нужнее, — не открывая глаз, проговорил колдун. — Часы на каминной полке. Не забудь.

Часы. Как он мог про них забыть, особенно учитывая то, что их подарила Киару. Это был её свадебный подарок. На обратной стороне крышки, закрывающей циферблат, располагалась гравировка: «От заката солнца и до рассвета. Люблю. К. Б.».

— В этом доме полно комнат, мог бы спать в любой из них, — забирая часы и надевая браслет на левое запястье, произнёс Ричард.

— Мне нравится это кресло.

Хмыкнув, Ричард покачал головой, а затем, поправив манжеты рубашки, всё же направился к лестнице. Он давно понял, что колдун поступает исключительно так, как хочет сам.

Когда мужчина наступил на первую ступень, то машинально взялся за поручень. Он провёл пальцами по шероховатому дереву, покачал головой, а затем стал подниматься на второй этаж.

Вместо того, чтобы пытаться найти несуществующий выход из ситуации, Ричард подумал о том, что следовало нанять работников, которые привели бы тринадцатый дом в полный порядок. Лестницу, как и перила, давно следовало как следует отполировать, некоторые ступени скрипели. Только сейчас он обратил внимания на то, что дом в плачевном состоянии. Не было больше былой роскоши, словно

вместе с силами хозяйки, уходила жизнь из этого места. Даже воздух был затхлым и дышать становилось тяжелее.

Ричард поразился тому, что раньше не обращал внимание на то, что дом изменился. Подобные мелочи никогда не тревожили мужчину, а теперь взгляд цеплялся за несовершенства: скрип досок под его ногой, пыль на картинах, паутина в углах... Киару была в ужасе от того, что место, которое она считает домом, в настолько ужасном состоянии.

Остановившись перед дверью в спальню, Ричард на краткий миг замер. Он с трудом подавил в себе желание развернуться и вернуться в гостиную, составить компанию колдуну. Взявшись правой рукой за ручку двери, мужчина трижды постучался в дверь костяшками левого кулака.

— Киару, я вернулся, — Ричард зашёл в спальню и закрыл за собой дверь, оставляя позади себя печальные мысли. Находясь рядом с Киару, ему не следовало поддаваться грустным мыслям. — Скажи... а ты помнишь слова, которые написаны на моих часах? От заката солнца и до рассвета... Помнишь свою свадебную клятву?

Мужчина подошёл ближе к кровати, затем наклонился, протянул руку, касаясь плеча девушки. Киару не ответила на его слова и не пошевелилась, когда тот потряс за плечо, а затем заставил лечь на спину. Ему показалось, что его сердце рухнуло в пропасть, а сам он забыл, как сделать вдох. Такая близкая и родная Киару, вдруг стала недостижимой мечтой. В зелёных глазах больше не было жизни: яркий цвет померк,

искры жизни затухали в девушке.

Он опустился на колени перед кроватью, пытаясь справиться с нахлынувшим отчаянием. Ему отчаянно хотелось, чтобы случилось чудо и Киару сбросила с себя оковы нынешнего состояния и стала прежней, той, в которую он влюбился.

Ричард с тревогой всмотрелся в её бледное лицо: та шевелила губами, но не произносила ни единого звука. Ему не получалось понять по движению губ возможные слова.

— Киару? — мужчина сжал плечо девушки сильнее, чем требовалось, но она даже не вскрикнула, не поморщилась и не обратила никакого внимания на грубый жест.

Резким движением он заставил Киару лечь на спину, а затем, нависнув над ней, всматривался в столь любимые черты.

— Киару? — повторил Ричард, едва удерживаясь от того, чтобы не встряхнуть её за плечи.

— Кто я? — наконец произнесла девушка, не фокусируясь взглядом на мужчине, смотря на серый потолок, где местами потрескалась побелка.

Следующие слова разбили Ричарду сердце, заставив его отстраниться от Киару, встать с кровати и взять в руки мобильный телефон, вытащив аппарат из ящика стола. Разблокировав экран, мужчина открыл шаблоны сообщений.

— Кто ты?

Ричард судорожно сглотнул, затем отправил давно заготовленное сообщение: «Памяти больше нет. Её больше нет.

Это уже не моя Киару...».

Глава 3. Письмо

«Как начать письмо, если нет сил его писать? С чего надо начать, если отчаянно хочется тебя потревожить, разбудить, чтобы ты обнял, прижал к себе и уверенным голосом заверил меня, что всё будет хорошо. Три простых слова. Три слова, которые являлись цепью, якорем... Три таких простых слова, которые позволяли мне держаться за эту жизнь. Я теряла силы, но изо всех сил держалась. Я держалась даже тогда, когда собственная вера меня подвела. Твоей надежды хватало на двоих и ты был щедр со мной. Но мне кажется, моих сил уже не хватает, а твоей надежды слишком мало для обоих. Мне надо уйти, чтобы сохранить твои силы... Но как же начать последнее письмо? Ведь если ты читаешь эти строки, то, как бы банально это не звучало, меня больше нет. Я ушла... Оставила тебя одного, хотя клялась этого никогда не делать. Позволила победить Д. и причинила этим тебе невероятную боль. Простишь ли ты меня? Не знаю. Наверное, я не смогла бы себя простить за всю ту боль, что оставляю тебе. Знаешь, мне страшно. Мне очень сильно страшно. И я хотела бы остаться, хотела бы, чтобы память мне не изменяла... Мне кажется, что я хочу быть с тобой. Нет. Это мне не кажется. Я хочу быть с тобой. Я никогда не говорила тебе этого. Знаешь, мы заигрались. Мы пытались убедить друг друга, что

не нужны друг другу. Но правда в том, что я нуждалась в тебе. Всю жизнь... Но сейчас не об этом. Я пытаюсь понять, как начать письмо. Наверное, эти страницы лучше будет сжечь. И я буду счастлива, если ты никогда не прочитаешь этих строк... может быть я найду в себе силы и сама уничтожу эти листы... или лист... Не знаю. Как получится... У меня осталось не так много времени и я прекрасно это знаю. Ты стараешься проводить со мной каждую минуту, но этим причиняешь невыносимую боль. Я хотела бы видеть тебя счастливым, а вместо этого вижу печаль и тоску. Иногда мне кажется, что ты уже похоронил меня. Знаешь... а я ведь неоднократно молила тебя, чтобы моё «Право Жизни» забрал... Ты не забрал... Наверное, я должна на тебя обидеться за это, но я не хочу уходить с обидой... Так как начать последнее письмо? С чего начать? С благодарности? С признания? С обиды? С боли? С благодарности? Нет... наверное, надо начать... Не существует идеального начала для последнего письма.

Я знаю, что ты будешь злиться на Ричарда за то, что он выполнил мою просьбу. Пожалуйста, не бей его. И не сжигай. Я также запрещаю тебе его кусать или причинять любой другой вред, вплоть до убийства. Его дочь ты также не будешь трогать. Пожалуйста, ради меня и твоей памяти обо мне, не трогай колдуна. Он отговаривал от меня. Но ты же знаешь... как трудно меня убедить в чём-то, если я что-то решила... Ты сам меня называл как-то упрямой ослицей.

Правда я не помню причин той ссоры, что подтолкнула тебя к такому ругательству.

Письмо. Последнее письмо. Мне надо собраться, не думать о прошлом (иначе я лишь теряю время, которого бесконечно мало). Мне не стоило тратить время для того, чтобы писать эти строки... Я боюсь потерять мысль... Боюсь не написать самого главного...

Давай представим, что моё последнее письмо начинается сейчас.

Мой дорогой Ричард. Сегодня пишу своё «Последнее Письмо» и оно предназначается исключительно для тебя. Колдун дал мне слово, что передаст конверт только в том случае, если не будет найден способ спасти мою жизнь. Если быть честной, то мне невероятно сложно писать эти строки, выводить букву за буквой. Словно с каждой чёрточкой, с каждым росчерком пера из меня уходит жизнь.

Дневники не помогли. Я не верила в то, что запись давно прошедших дней мне поможет. Я даже прекратила думать о том, что мне страшно лишаться своей истории. Мне остаётся надеяться лишь на то, что твоя история, которая будет уже без меня, будет наполнена жизнью и счастьем.

Ричард, я знаю, что нарушила сотни правил написания личных писем. Мне достаточно сложно собраться, собрать свои мысли воедино и написать так, как надо. Вместо того, чтобы написать лаконичное письмо, из под пера выходит

нечто странное... Так не пишут письма. Вот только я боюсь, что если встану с кровати, чтобы взять новые листы, то ты проснёшься. Мне стоило больших трудов уговорить тебя расслабиться и немного подремать. Я обещала быть рядом, когда ты проснёшься. Это обещание я смогу сдержать. Но у меня не получится сдержать те самые слова, когда я говорила, что выживу. Кажется, я солгала в этом.

Иногда мне кажется, что я предполагала о таком исходе давно. Где-то в глубине души я, возможно, допускала мысль, что пришло время уйти. Мне не хотелось в это верить, жаждала найти опровержение такому страшному ощущению, но... всегда было какое-то но...

Я постараюсь не касаться своего состояния. Знаю, что не смогу забыть, не смогу прожить оставшееся время так, словно ничего не происходит. Происходит. Прежде всего это видно по твоему беспокойству. Мы как-то забыли обо всех скандалах и спорах. Серьёзно! Мы ни разу не поссорились за последние недели! Ты не сказал ни единого резкого слова в мой адрес, а я ни разу не попыталась тебя прогнать...

Это странно. Очень странно. Но при этом... знаешь, мне непривычно об этом думать, но, кажется, что время, когда мы не ссоримся — похоже на драгоценные камни. Драгоценные камни... Мне нравятся изумруды. Но ты об этом, естественно, знаешь. В обручальном кольце изумруд. Ты сохранишь моё кольцо, когда всё будет позади? Глупый вопрос. Ты волен поступать так, как захочешь. Даже если выкинешь

его в озеро, пруд, реку или море...

Мой дорогой Ричард. Или, мне следует писать иначе? Например... Мой дорогой супруг. Муж мой... Ты, наверное, сейчас улыбаешься. Или прошептал... например, что я твоя супруга, твоя жизнь, твоя судьба.

Если бы всё было иначе, то... если бы моё состояние было иным... если бы... Как много если. Ты часто ругал меня за мои мысли о том, какой могла быть моя жизнь. Я обещала не размышлять, но... это невозможно.

Обещаю, что это в последний раз.

Дом. Может быть это был бы тринадцатый дом, а может быть иной. Два этажа. Гараж. Бассейн. Высокий забор, чтобы не было посторонних взглядов. До ближайших соседей нужно добираться. Сад. Клумбы. Беседка, где мы проводили бы вечера раз в неделю. В саду были бы качели. Мы бы часто сидели возле бассейна, разговаривали, пили красное вино и были бы вместе. Мы бы жили вне клана. Вдвоём. Это была бы наша семья... Семья... такое странное слово. Клан не стал моей семьёй. Мы никогда не были семьёй. Но ты стал моей семьёй. Ричард, ты мне дорог. Я знала это всегда. Я знаю это сейчас и поэтому пишу эти глупые строки, пытаюсь упорядочить собственные мысли и проигрываю себе же. Ричард, ты должен знать, что я не хочу тебя оставлять. И... прошу тебя... Помиришься с Самуэлем. Вы общаетесь, но... я же вижу, что ты не простил его. Его вины не было. Если кого-то и винить, то исключи-

тельно меня. Потому что... я — воровка. Я украла те самые документы, не слишком надёжно их спрятала и они попали в очень плохие руки.

Мой дорогой Ричард. Сегодня я не буду задавать глупые вопросы и размышлять о том, как могла бы сложиться наша жизнь. Такие мысли не сделают добра.

Наверное, ты уже устал читать. Знаешь, мой милый, я планировала написать всего несколько строк, а получается... получается как-то много. Уже несколько листов. Это больше похоже на запись из дневника, но ею не является. Просто знай... изначально я хотела написать всего пару строк, чтобы поддержать тебя, чтобы ты не грустил и знал, что я думала о тебе до самого последнего вдоха. Я не помню, говорила ли тебе эти слова, но лучшие их напишу, чтобы ты знал: я люблю тебя. Люблю всем сердцем и всё это время держалась ради тебя. Ты стал моим якорем в этой жизни. Ты стал тем, к кому я всегда возвращалась. Ты стал тем, кто спас меня от смерти, кто дал мне возможность жить и кто позволил мне жить, несмотря на то, что я достаточно проблемная. Кажется, так меня называл Марк. Проблемная. Это клеймо на мне и от него мне не избавиться. Или всё же смерть является избавлением? Не хочу об этом думать. Ты, наверное, прекрасно знаешь, что я безумно хочу жить. Я хочу быть рядом с тобой, может быть ссориться, иногда бить тарелки или же просто... мы ведь можем без ссор. Можем? Я обещаю не сбегать. Я бега-

ла всю жизнь. Но не могу понять, бегала ли я от тебя или от себя, потому что моя жизнь не стала такой, какой я представляла.

Ричард. Мне стоит перед тобой извиниться. Хотела бы произнести эти слова лично, но... смелости во мне не так много. Во мне есть (или уже была) жажда жизни, но вот особой смелости никогда не было. Может быть, если бы смелости во мне было чуть больше, то смогла бы оттолкнуть Джозефа от себя, помешать обращению.

Секрет. Это мой секрет. Я не планировала рассказывать тебе об этом. Хотела сохранить свой секрет, не говорить никому, потому что... долгое время была уверена в том, что это не столь важно, ведь ничего не изменить.

Но... раз ты читаешь это письмо, то меня больше нет. Поэтому, думаю, что ты просто обязан знать. Впрочем, я не буду удивлена, если ты это знаешь, но... мне важно самой рассказать об этом. Пришло время смириться с тем, что произошло давным-давно.

Джозеф не дал мне выбора. Я не давала своего согласия. И я... я жалею, что ушла из твоей комнаты. Как думаешь, если бы я тогда боялась чуточку меньше, если бы я не ушла... мы бы были вместе раньше? Или всё было бы так, как есть, но с тем отличием, что меня обратил бы именно ты?

Или... или... или...

Так много возможностей для другого развития наших

жизней. Будь всё иначе...

Ричард, мне так странно писать о наших, особенно учитывая то, что дальше будет твоя жизнь. Обещай мне... я уже писала об этом, но вновь попрошу: ты должен помириться с Самуэлем. Пожалуйста. Ради меня. Ты же знаешь, что если бы я была жива, то общалась не только с тобой, но и с дипломатом клана.

Дипломат клана... а ведь когда-то ты занимал эту должность. Или я путаю? Ричард обещал мне, что его магии хватит для того, чтобы написать невероятно длинное письмо. Как ты думаешь, моё письмо уже невероятно длинное или у меня есть время? Знаю, мой милый, это был глупый вопрос. Потому что если ты читаешь это письмо, то... я не буду повторяться.

Мой дорогой Ричард. Я постараюсь не отвлекаться на посторонние мысли. Хорошее намерение, верно? Знаешь... я словно слышу твой голос, едва сдерживаемую ярость на ситуацию... ты говоришь, что это письмо слишком маленькое для того, чтобы попрощаться.

Мы много говорили. Первые дни, когда мысли ещё не путались и когда воспоминания не прятались в тумане. Это были самые долгие беседы за наши жизни. Или не самые долгие... а такие же, как когда-то давным-давно... только не помню обстоятельств. Мне кажется, что я могу дотянуться до прикроватного столика, достать дневники, пролистать страницы и найти нужные моменты. Но столь

простое действие заберёт время, которого не так много...

Милый Ричард! Я знаю, что ты, как супруг, владеешь всем моим имуществом. Знаю, что тринадцатый дом принадлежит мне лишь формально. Знаю, что всё моё имущество... точнее, практически всё моё имущество... с момента свадьбы принадлежит тебе.

Сейчас я хочу дать распоряжения в отношении того имущества, которое осталось за мной.

В прикроватном столике, в том, который с твоей стороны кровати, находятся несколько тетрадей. В одной из них — конверт. Я прошу тебя сохранить конверт (можешь его вскрыть, если захочешь, так как в его содержимом нет ничего опасного или тайного). Как поступить с тетрадями? Ты можешь их сохранить, если захочешь. Но я рекомендую их уничтожить. У Ричарда возникла идея... мысль... предложение. Колдун подумал о том, что если я запишу своё прошлое, когда воспоминания будут ещё живы, то это поможет мне не забыть. Не помогло. Память уходила от меня. Не знаю, смогла бы я написать такое... такое... очень большое письмо, если бы не магия Ричарда... Мне кажется, что нет. В отношении этого письма... ты волен поступать так, как хочешь. Но не думай, что это единственное письмо, которое я писала для тебя. На самом деле, в ящичке с носовыми платками, спрятана шкатулка: в ней ты найдёшь все неотправленные письма. Каждое из них адресовано для тебя. Я писала их в разное время: какие-то были написаны в

тот период, когда я была в клане, а последние... до того момента, как началась эта история. Ни один из конвертов не был отправлен. Дважды я подбрасывала тебе письмо, но... каждый раз возвращалась к твоей комнате, вскрывала замок и забирала листы.

Драгоценности. Ты прекрасно знаешь, что у меня четыре шкатулки. Честно говоря, я даже не помню, какие украшения в них лежат. Можешь делать с ними всё, что угодно. Но в моей коллекции, есть несколько предметов, которые мне особенно дороги. Я прошу тебя сохранить обручальное кольцо. Знаю, может быть это глупо. Но оно мне очень дорого. Браслет. Может быть ты замечал его, а может быть и нет. Но... пускай он будет с тобой. Учти! Если потеряешь, я найду способ тебя придушить. Это единственное украшение из моей старой жизни (кольцо же я тебе вернула). Реплика. Колдун будет в ярости, но не отдавай ему «Изумрудную Слезу». Также я оставляю данные от банковской ячейки. Конверт передала Самуэлю (повод с ним помириться!), банковского служащего я предупредила.

Тело. Согласись, так как это моё тело, то принимать решение необходимо мне. Я знаю, что есть всего несколько вариантов, как можно поступить с телом... но... я бы предпочла кремацию. Мне кажется, что это будет наилучшим решением и никто не сможет использовать что-либо против тебя. Но ты можешь сохранить прядь волос (на самом деле, будь я гораздо сильнее, то сама подарила бы тебе

прядь, но... ты же знаешь, смелости на подобное во мне не так много). Кажется, в моей шкатулке есть несколько кулонов, которые открываются и в них можно будет сохранить прядь волос. Так как речь зашла о волосах... я не могу не написать про ленты. На прочие аксессуары мне всё равно. Ленты — это особое. Ты же знаешь, насколько мне дороги мои волосы. Были дороги... Я не раз и не два думала о том, чтобы попросить Оливера отрезать длину хотя бы наполовину, но каждый раз останавливала себя, потому что... мне сложно представить себя с другой причёской, к тому же моя бабушка была бы в очень сильной ярости, если бы я что-то сделала с главным украшением приличной девушки.

Мне кажется, что это единственные моменты в моей жизни, которые волнуют меня наиболее сильно. Мы ведь вспоминаем только о том, что действительно важно? Или же... думаем о глупостях, но при этом забываем о важном... Я не знаю. Боюсь, мне не найти уже правильного ответа на этот вопрос.

Как понять, что я поступаю правильно? Что я не сделала ошибку, уговорив Ричарда помочь мне с помощью магии, собрать мои силы, дать мне возможность написать для тебя то, что хочу. Как понять, что я написала идеальное письмо? Мне кажется, что я написала глупости. Мне надо было сделать всё иначе. Написать что-то короткое, кратко распорядиться о тех вещах, которые мне особенно дороги. Мне надо было быть очень краткой, но вместо это-

го... вместо этого я написала так много строк... Наверное, мне немного стыдно за то, что отнимаю настолько много твоего времени. Но... надеюсь, что я не утомила тебя. Я бы хотела сказать тебе так много, но время... времени не так много. Наверное, я совсем разучилась писать письма... Знаешь, от этого мне грустно. Я любила бумажные письма... я полюбила даже электронные письма, но... писем в моей жизни становилось с каждым разом меньше и... и... как думаешь, если бы я доверяла тебе и писала тебе чаще, мы бы смогли раньше найти общий язык? Смогли бы прекратить ненужную игру в ненависть? Или она была нужной... Ну вот... кажется, мои мысли начали путаться... опять... Я думала, у меня будет больше времени. Как всегда ошибалась. Как тогда, когда рассказала и мы потеряли двадцать восемь лет... Я потеряла сына...

Мой милый Ричард. Мне очень жаль, что ты вынужден пройти через всё это без меня. Если бы я не совершила в своей жизни столько ошибок, то, думаю, всё было бы иначе. Надеюсь, что скоро прекращу думать о том, что могло бы быть, если бы не... Глупо. Очень глупо пытаться придумать то, какой могла быть жизнь. Но... я надеюсь на то, что ты знаешь, что ты мне очень дорог. Я люблю тебя. Не думала, что написать такие простые слова настолько сложно. Такое необходимо говорить вслух. Но... кажется, я говорила тебе... возможно, этого было мало... но... как подобного может быть много или мало? Ведь такие слова

должны идти от сердца... а моя дорогая бабушка неоднократно говорила о том, что приличные девушки не должны говорить таких слов, ведь любовь в браке не главное.

Но знаешь, мой милый Ричард, я всегда буду тебя любить. Наверное, я полюбила тебя слишком рано, а затем у меня были обязательства перед женихом и я запрещала себе думать о тебе... а потом... потом ты сам знаешь, что было...

Иногда мне кажется, что я была в силах всё исправить, не допустить подобного развития. Я была уверена в том, что мне хватит сил... Я прошу прощения за то, что подвела тебя, что оставляю тебя. Видит Бог, что я не хочу этого делать. И мне жаль, что я тебя покидаю.

Мой дорогой Ричард. Не хватит слов, чтобы я смогла выразить все чувства и эмоции, которые испытываю к тебе. Я надеюсь на то, что тебе хватит сил продолжить жить дальше. Уверена, когда-нибудь вы найдёте способ разобраться с проблемой. Или Джозеф нарушит какой-нибудь закон и это развяжет руки Марку. Законы... эти законы связывают нас, придётся лишь ждать.

Я прошу тебя жить дальше. Я знаю, что того клана «Ночной Огонь» больше нет и он разделился на две части: легальную часть, под руководством Джозефа, и беглецов, под твоим руководством. Я знаю, что мистер Доминиг подписал документы, которые лишают вас статуса беглецов и знаю, что тебе предложено основать клан. Ты говорил, что

не хочешь этого, но ты в ответе за тех, кто ушёл вслед за тобой. Они ушли не из-за возвращения Джозефа, а исключительно ради тебя, потому что считают тебя тем, кто способен руководить. Знаешь, я полностью их поддерживаю в этом.

Но я не буду тебя принуждать. Это должен быть полностью твой выбор и твоё решение.

Я знаю, что у колдуна и Марка есть какой-то план. Вы не рассказали мне, боясь о том, что моя крепкая связь с Джозефом может что-то нарушить. Я знаю, что шансов немного, всего половина. Вот только жаль, что вы не рассказали о плане. С другой стороны... не думаю, что у меня получилось бы помочь. Моя максимальная помощь заключалась в том, чтобы нанести защитные знаки, которые потом заколдовал Ричард. Мне кажется, я вновь заговорила о том, что могло бы быть... Прости меня... мне надо собраться с мыслями и завершить письмо. Иначе... боюсь, что я могу писать очень долго, но... мне вновь... опять возвращаются те самые ощущения... те самые... когда я теряю нить жизни, когда я вновь ощущаю, как струна в моей душе натягивается. Моя последняя струна... моя последняя связь с собой... с тобой... с эмоциями... с памятью... с жизнью...

Если ты читаешь это письмо, то меня больше нет. Мой изначальный план заключался исключительно в том, чтобы поддержать тебя, мой дорогой Ричард. Но... с этим пла-

ном я не справилась. Поэтому получилось так много строк и страниц.

Я не знаю, сколько дней нам осталось. Надеюсь, они будут счастливыми. Надеюсь на то, что мы будем разговаривать, вспоминать и быть вместе всё то время, что нам отведено. Я хочу написать ещё раз те самые слова, которые должна была произнести вслух: я люблю тебя. Всё то время, что мы были вместе (или не в месте)... оно очень ценное для меня. Мы могли ненавидеть друг друга, ругаться друг на друга... но я всегда знала, что ты мой якорь, ты тот, ради кого стоит жить.

Я прошу тебя быть счастливым. Я знаю, что боль от потери не уйдёт. Должно пройти время для того, чтобы боль стала грустью... но... у тебя будет это время. И будешь счастлив. Обещаешь мне? Пожалуйста. Найди способ стать счастливым. Ты достоин этого больше, чем кто-либо другой. Пожалуйста... мне будет невыносимо больно, если ты не справишься... и знаешь, Ричард... я буду верить в то, что у тебя всё будет хорошо. Ты лучший всех, кого я когда-либо знала. Ты сильный. Ты умный. Ты тот, ради кого стоит жить.

Мой милый Ричард. Я хотела бы написать ещё так много, но... мне почему-то очень сложно формулировать свои мысли и... я боюсь, что у магии Ричарда есть предел. Я думала, что это самый сильный колдун во всём мире. Это так. Вот только он не всесильный. Жаль. Это значит, что

магия не способна меня спасти. Я знаю, что ты говорил мне об этом, объяснял простыми словами то, что говорил колдун, но мне так хотелось верить в то, что если он поколдует надо мной... то что-нибудь станет иначе и я не покину тебя.

Ты должен знать: до последнего мгновения я буду помнить тебя. Ты мой якорь.... и я надеюсь на то, что это письмо поможет тебе и станет твоим якорем до тех пор, пока боль не станет грустью.

Пожалуйста, будь счастлив.

С искренней любовью,
навсегда твоя

Киару Элизабет Ремингтон-Блэк.

Глава 4

В тринадцатом доме было непривычно тихо. В гостиной не работало радио: кто-то его выключил в один из очень сложных дней, но при этом забыл включить обратно. Джейн не гремела посудой на кухне и больше ничего не сгорало в духовом шкафу. Насколько Ричард знал, его тактично оставили в одиночестве и практически каждый нашёл себе занятие вне дома, по настойчивым просьбам Марка. В доме остались всего четверо: Ричард, которого настойчиво попросили спуститься вниз и не мешать, колдун, Марк и Киару, чья жизнь покидала тело.

Совсем недавно Ричард был рад тому, что на первом этаже никого не было: на него никто не смотрел с жалостью и никто не старался отвлечь от тяжёлых мыслей. Разве что Самуэль, уходя из дома, оставил на кофейном столике конверт.

Сейчас Ричард сидел на диване, сбросив на пол декоративные подушки и невидящим взглядом смотрел на последний лист бумаги.

— Глупая моя... — пробормотал мужчина. — Ты написала слишком мало...

Вздыхнув, мужчина откинулся на спинку дивана, прикрыл глаза и постарался расслабиться. Он старался не думать о том, что происходит на втором этаже.

Глубоко задумавшись, Ричард пропустил тот момент, ко-

гда Марк, а следом за ним колдун, спустились по лестнице.

— Мы закончили, — темноволосый мужчина пропустил вперёд себя Ричарда, а сам посмотрел на бывшего главу клана «Ночной Огонь», который замер на диване. В руках у Марка была резная шкатулка. — Мы поехали. Ты... справишься один? Могу позвонить Самуэлю или кому-то иному, только скажи кому.

— Никому не надо, — глухо произнёс Ричард. — Она написала инструкцию. Справлюсь один.

— Как скажешь... мне пора. Если что, звони Триш. Она передаст мне трубку.

Марк, не став ждать ответа старого друга, направился к двери, а затем захлопнул её.

Ричард продолжал сидеть на диване без движения. Он шевельнулся лишь через час. Запрокинув голову, мужчина посмотрел на потолок, затем тяжело вздохнул и, хлопнув левой ладонью по колену, с трудом заставил себя встать с дивана.

Ричард положил конверт на кофейный столик. Он уже знал, что обязательно сохранит его: письмо стало самым лучшим последним подарком, который только могла сделать Киару.

Ричард шевельнулся лишь тогда, когда хлопнула входная дверь. Посмотрев на потолок, мужчина тяжело вздохнул и с трудом заставил себя встать с дивана, предварительно положив конверт на кофейный столик.

Прежде чем подняться на второй этаж, Ричард подошёл к входной двери. Провёл пальцами по деревянной поверхности, вернул на место дверную цепочку и запер дверь на два оборота ключа. Прежде чем повернуть ключ в третий раз, он замер на несколько минут, всем сердцем жаждая услышать нервное требование от Киару: закрыть дверь на три оборота. Вот только Блэк была на втором этаже и уже ничего не скажет ему.

Постояв возле двери несколько минут, Ричард, развернувшись, направился к лестнице. Ему не хотелось подниматься на второй этаж, но он знал, что надо, ведь иного выбора не было: мужчина должен был сделать то, что давным-давно обсуждал с Марком и что просила сделать Киару в своём письме.

Нахмурившись, Ричард остановился. Спустился вновь на первый этаж, медленно поднялся, считая ступеньки.

— Семнадцать...

Раньше он никогда не обращал внимания на количество ступеней, а теперь, стараясь оттянуть момент возвращения в спальню, цеплялся разумом за незначительные детали.

— Семнадцать... — повторил мужчина, качая головой и с грустью смотря на картины в тяжёлых рамах.

Тринадцатый дом был особым местом не только для Киару, но и для Ричарда, несмотря на то что он никогда не признавался в том, что ему приятно находиться в этом месте.

В какой-то момент, когда он проходил мимо портрета

неизвестной девушки, Ричард поймал себя на мысли, что он поступил неправильно, решив, что в одиночестве ему будет лучше. Он оглянулся, нахмурился, но не стал возвращаться к лестнице. С его стороны было слишком опрометчиво не проверить наличие мобильного телефона в кармане брюк, прежде чем подниматься на второй этаж.

Мимолётная злость сменилась растерянностью, а растерянность — тяжёлой грустью. Он ударил кулаком в стену, а затем всё же дошёл до двери спальни и по привычке постучал.

— Киару, я могу войти? — вопрос вырвался прежде, чем Ричард смог в полной мере осознать то, что теперь может не спрашивать разрешения. — Киару, я ведь... ты не ответишь уже... Надо было попросить Марка обо всём позаботится, но я... не мог доверить тебя ему... я должен сам...

Вздохнув, мужчина толкнул дверь и перешагнул порог, плечом прислонившись к дверному косяку. Он машинально сунул левую руку в карман брюк и с горечью посмотрел на Киару, а затем отвёл взгляд в сторону.

— Меня убивает эта тишина, — вздохнул Ричард. — Привык, что в доме всегда шумно. Ты включала радио или телевизор... или ставила одну из своих пластинок... Ты не любила тишину... Впрочем, иногда ты была очень даже тихой... в те моменты, когда составляла мне компанию в кабинете. Я ни разу тебе не говорил, но... мне нравилось, когда ты была со мной... В такие дни... когда ты не спешила уйти... не

находила повода поссориться, а просто читала, сидя в кресле... или вышивала... я... больше любовался тобой, чем занимался работой... Ты была всем для меня, Киару... а теперь... теперь... теперь тебя нет...

Ричард знал, что Киару не должна была умереть. Необратимые процессы вели лишь к смерти личности, а девушка стала бы марионеткой в руках Джозефа, послушной куклой, которая выполнила бы любой приказ без эмоций и вопросов.

— Я дал тебе невыполнимое обещание... — пробормотал мужчина, заставляя себя отстраниться от дверного косяка и закрыть дверь. Он понимал, что в доме никого не было, но действовал по старой привычке.

Знал мужчина также и то, что обещание изначально было невыполнимым. Он осознанно пошёл на обман, всем сердцем жаждая успокоить насмерть перепуганную Киару, которая несколько часов умоляла её убить, лишь бы не стать марионеткой в руках Джозефа.

Обман удался. Киару поверила ему, успокоилась и до последнего момента, пока память не растворилась полностью, верила Ричарду, что спасение обязательно будет.

Первое время Ричард действительно искал способ. Вместе с Марком и Самуэлем, они стряхнули пыль со всех древних свитков и книг, которые только могли найтись в обширной библиотеке Чарльза Доминига.

Несколько недель понадобилось для того, чтобы послушать доводы Чарльза и прекратить искать то, чего не суще-

ствовало. Доминиг изначально предоставил Ричарду реестры, которые должны были показать, какие именно книги находятся в библиотеке Чарльза. Вот только мужчина не поверил краткому списку и предпочёл удостовериться самостоятельно. Ничего не нашли, но лишь потеряли время, которое мужчина мог провести вместе с Киару.

Когда Ричард в полной мере осознал, что в книгах нет ни единого способа помочь Киару, он обратился к знакомой ведьме. Несмотря на лояльное отношение к мужчине, Брук отказалась даже пытаться помочь супруге Ричарда и мужчина был вынужден искать дальше. Но даже тогда, когда он получал отказ за отказом, Ричард не опускал руки. Поддержка Киару давала силы на дальнейшие поиски, а собственная ложь заставляла упрямо искать выход из безвыходной ситуации. Ричард знал, что не было ни единого способа спасти жену, но изо всех сил стремился поддерживать огонёк жизни в душе Киару, даже в те моменты, когда супруга опускала руки и вновь заводила речь о том, чтобы глава клана забрал её «Право Жизни».

— Моих сил должно было хватить на обоих, — вздохнул Ричард. Несмотря на то, что девушка уже не услышит этих слов, мужчина старался говорить вслух, чтобы разбить гнетущую тишину комнаты. — Ты совсем не этого хотела... ты хотела жить... Ты знала, что Джозеф жив, хранила эту тайну, но не догадалась уничтожить столь опасные документы... если бы я только самостоятельно проконтролировал их уни-

чтожение... если бы я лично сжёг компромат... то ты сейчас была бы жива... Если бы только... если бы...

Покачав головой, мужчина со скрипом открыл тяжёлую дверь шкафа. Петли давно требовалось смазать, но Ричард не мог выкроить время, чтобы вызвать мебельщика. В доме давно требовался ремонт, но теперь в нём не было никакого смысла. Тринадцатый дом должен был стать уголком безопасности для Киару. Без неё это было всего лишь бездушное помещение, лишённое самого главного: хозяйки.

— Как же мне теперь жить без тебя? — голос Ричарда дрогнул, но он старался изо всех сил держаться. Он знал, что не имеет права сорваться. Ради Киару он обязан был быть сильным.

Опустившись на корточки, мужчина осторожно вытащил одну из простыней. Распрямившись, обернулся и посмотрел на Киару.

— Я уже по тебе скучаю, Киару, — вздохнул Ричард, делая небольшие шаги в сторону кровати. — Иногда ты была настолько невыносимой, что мне хотелось ударить тебя со всей силы... Я знаю, я не был идеальным супругом... да и человеком не был идеальным... Даже не знаю, что я сделал такого хорошего в этой паршивой жизни, что у меня появилась ты... маленькая девочка с зелёными глазами и неуёмной жадой жизни... Ты подарила мне самое главное: иллюзию свободы и выбора, словно я способен сам распоряжаться своей жизнью...

Лёгким касанием Ричард погладил Киару по щеке. Ему невыносимо было видеть девушку такой неживой: землистый, серый цвет кожи, заострённый нос, опущенные уголки губ.

— Это всё, да, Киару? — с трудом проговорил Ричард, ощущая комок в горле. Он наклонился, поцеловал девушку в лоб, а затем, распрямившись, встряхнул простынь и укрыл ноги девушки. Затем сел на кровать и взял ладонь Киару в свои руки. Поцеловал тонкие пальцы девушки. — Я знаю, что твоя память исчезла, растворилась в тумане и знаю, что ты никогда бы не стала прежней... Я... выслушай меня, пожалуйста, в последний раз... Пожалуйста... Мне это... мне это надо. Это мой последний шанс сказать тебе несколько слов... несколько последних слов... — Ричард запнулся. Он растерянно всмотрелся в лицо Киару, ставшее как родным, так и чужим одновременно. Затем мужчина заставил себя отвести взгляд в сторону. Он попробовал сфокусироваться на простыни и только тогда заметил цветочный узор. Слабая улыбка тронула его губы. — Ручная вышивка, да? Естественно, ручная работа. Не удивлюсь, если ты сама вышивала цветы... Мне жаль, что всё так получилось, Киару... мне очень жаль... Пока с тобой были Марк и Ричард... Прости, что не остался в комнате. Я должен был остаться с тобой до самого последнего вдоха, а вместо этого... ушёл. Знаю, ты уже не помнила меня, но разве это имело значение, если моя память цела? Я думал, что у нас будет больше времени, но... Ты бы-

ла здесь, а я сидел внизу... Кажется, я становлюсь слишком сентиментальным, да? В любой другой ситуации, ты бы обвинила меня в том, что я чрезмерно пьян или сошёл с ума. Мы бы обязательно поругались... а затем... затем... было бы что-то привычное и обыденное...

Судорожно вздохнув, Ричард вновь поцеловал тонкие пальцы Киару. Он понимал, что девушка больше никогда не ответит ему, но отчаянно нуждался в том, чтобы услышать родной голос. Сейчас мужчина был согласен даже на то, чтобы девушка закатила истерику и набросилась на него с кулаками. Он готов был вытерпеть всё что угодно, если это вернёт ему супругу.

— Может быть ты встанешь? — слабо улыбнулся мужчина. — Можешь разбить все тарелки, все вазы... можешь запустить телефон в стену... Я даже не буду ругаться... или буду ругаться, если тебе от этого будет легче... Пожалуйста, Киару... Пожалуйста... Пожалуйста... подари мне это чудо... — последние слова Ричард практически прошептал. Он знал, что в доме больше никого нет, но неосознанно срывался: говорил то громко, то едва слышно, словно кто-то мог его подслушать и узнать о главной слабости бывшего главы клана «Ночной Огонь». Даже сейчас, когда Киару уже не было среди живых, она всё равно оставалась для него дороже всех прочих. И Ричард знал, что если бы кто-нибудь пообещал вернуть его супругу, то весь мир он отдал бы за выполнение этой столь важной мечты.

— Я должен с тобой проститься... — мужчина тяжело вздохнул. — Ты не знала, как начать письмо... не знала, каким должно быть идеальное начало... а я не знаю, как мне с тобой проститься... как отпустить тебя... как смириться с тем, что ты ушла... Но знаешь, моя дорогая Киару, в чём заключается правда? Я не хочу с тобой прощаться. Я не хочу тебя отпускать. Не хочу... Ты моя. Понимаешь? Ты моя жена. Моя женщина. Как я отпущу тебя? Я уже допустил, что ты уходила в одиночестве. Без меня. Я должен был держать тебя за руку и плевать, что ты не помнила ни меня, ни себя. Я должен был обнимать тебя, прижимать к себе... а ты уходила в одиночестве... Как мне отпустить тебя, если я не могу простить себя за мимолётную трусость, за нежелание видеть твою смерть? Как я могу прогнать твой мёртвый образ? Как?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.